
СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.342.5

ГЕНДЕРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ: СГЛАЖИВАНИЕ СИТУАЦИИ И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ

С.А. Ильиных

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: ili.sa@mail.ru

В статье анализируется гендерная стратификация на основании теории П. Бурдьё. Она связана с хабитуализацией жизненной практики бедности. На примере результатов глубинного интервью показывается, что состояние бедности не воспринимается мужчинами и женщинами таковым. Это происходит благодаря сглаживанию ситуации и управлению представлениями. Проблема хабитуализации бедности связана с двумя плоскостями сознания мужчин и женщин: реальной и воображаемой или имитационной. Сглаживание ситуации и управление представлениями отсрочивает фактический выход из страты «бедных».

Ключевые слова: гендерная стратификация, хабитуализация бедности, сглаживание ситуации, управление представлениями.

GENDER STRATIFICATION: SMOOTHING SITUATION AND MANAGEMENT REPRESENTATIONS

S.A. Ilynykh

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: ili.sa@mail.ru

The author analyzes the gender stratification on the basis of the theory of P.Bourdieu. It is associated with poverty habitualization life practice. On an example of the results of in-depth interviews show that the state of poverty is not perceived as such men and women. This is because the smoothing of the situation and management representations. Habitualization poverty problem associated with the two planes of consciousness of men and women: the real and the imaginary or imitation. Smoothing situation and management representations postpones the actual output of the strata of the «poor».

Key words: gender stratification, habitualization poverty, smoothing the situation, management representations.

Проблема гендерной стратификации актуальна во все времена. Ее острота предопределяется совокупностью факторов, среди которых наиболее значительными являются культурные и социальные. Гендерная стратификация выступает и как реальное явление жизни, и как метод выделения

социальных страт, и как «портрет» общества. Она – процесс и состояние. Гендерная стратификация показывает «расположение» социальных групп и индивидов в социальном пространстве, причем положение неодинаковое и неравное.

Поскольку гендерная стратификация является одной из разновидностей социальной стратификации, то важно кратко рассмотреть подходы к стратификации в социологической науке. Так, одним из первых создателей теории социальной стратификации является российский социолог П.А. Сорокин [6]. В своей работе «Социальная стратификация и социальная мобильность» он назвал четыре группы основных факторов социального неравенства: права и привилегии, обязанности и ответственность, богатство и нужда, власть и влияние. Указанные факторы являются основой для выделения базовых типов социальной стратификации в современном обществе. К таковым относятся экономический, политический, профессиональный.

Т. Парсонс, который также относится к основателям теории стратификации, выделяет три группы признаков, дифференцирующих социальные слои и группы в обществе. К первой группе относятся признаки, приобретенные людьми от рождения. К их числу относятся этническая принадлежность, пол, социальное положение родителей, физические и интеллектуальные особенности и т.п. Вторая группа включает признаки, которые связаны с выполнением человеком определенных социальных ролей. Здесь определяющими являются профессия, образование, роль отца и матери в семье. К третьей группе относятся «элементы обладания» человека, а именно способности, материальные и духовные ценности, привилегии и товары.

М. Вебер в качестве первого компонента неравенства рассматривал имущественное неравенство, но считал, что кроме богатства имеют важное значение престиж и карьера, которых человек добивается на рынке труда. Кроме богатства и престижа, Вебер отметил и третий фактор стратификации – политическую власть, авторитет и влияние. Таким образом, М. Вебер предложил многомерный подход к стратификации, выделив три ее измерения: класс (экономическое положение), статус (престиж) и партию (власть) [5].

Итак, ученые, так или иначе, называют пол в качестве одного из дифференцирующих признаков. Это позволяет нам говорить о том, что гендерная стратификация – это процесс, посредством которого гендер становится основой социальной стратификации. В данном случае пол, наряду с классом, расой и возрастом, является фундаментальной стратификационной переменной, которая влияет на всю гендерную систему.

Гендерную стратификацию можно анализировать с разных позиций. В рамках данной статьи нам хотелось бы представить такой имплицитный аспект, сопряженный с гендерной стратификацией, как уровень дохода. Под влиянием стратификационных процессов уровень дохода колеблется от очень высокого до минимального. И если высокий и средний уровни дохода не вызывают озабоченности исследователей, то низкий уровень является собой предмет внимания, поскольку напрямую связан с состоянием бедности.

Таким образом, гендерная стратификация тесно связана с хабиитуализацией жизненных практик, и в частности, с жизненной практикой бедности. Бедность представляет собой комплексное явление, в котором оказываются

ся задействованными множеством эксплицитных и имплицитных факторов. В рамках данной статьи нам хотелось бы сосредоточить внимание на бедности как на явлении, которое сами индивиды стремятся не воспринимать как критическое. Они относятся к своему состоянию с позиции сглаживания негативизма, ухода от реальности. В таком случае индивиды осуществляют более или менее успешное управление представлениями. Объяснить такой подход можно с психологической и социологической точек зрения.

Понять интерпретацию «бедности» как явления с психологической точки зрения можно с помощью теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера. Согласно этой теории, кроме финансового, морального, физического бремени, представители страты «бедных» испытывают еще и состояние когнитивного диссонанса. Чтобы его уменьшить, люди изменяют свою установку в отношении бедности. Они начинают рассматривать ее не как несправедливость и ущербность, а как некоторую временную данность, при которой «в принципе можно жить».

С социологической точки зрения состояние «бедности» как некой данности можно объяснить с помощью теории П. Бурдьё о хаби́туализации [1]. Согласно его теории, ха́битус (habitus) – это системы прочных приобретенных предрасположенностей (dispositions), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления. Иными словами, ха́битус – это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику человека и его представления. В основе ха́битуса лежит специфика социального положения. Будучи продуктом некоторого типа объективной регулярности, habitus склонен порождать «резонные», «общепринятые» манеры поведения, которые с наибольшей вероятностью будут положительно санкционированы, поскольку они объективно приспособлены к логике, характерной для определенного поля деятельности, объективное будущее которого они предвосхищают. Habitus имеет тенденцию к постоянству и защищен от изменений отбором новой информации, отрицанием информации, способной поставить под сомнение уже накопленную информацию. Гомогенность habitus'a, которая наблюдается в пределах какого-то класса условий существования и социальной среды, обуславливает то, что практики и действия непосредственно понятны и предсказуемы и, таким образом, воспринимаются как само собой разумеющиеся (takenforgranted).

Преломляя теорию хаби́туализации к рассматриваемому нами явлению бедности, можно отметить, что у представителей страты «бедных» формируется соответствующий ха́битус как результат их деятельности в этом статусе. В соответствии с этим ха́битусом объективно классифицируется вся практика, продуцируется определенный вид практики (практика «бедных») и классифицируются окружающие предметы, факты, оцениваются различные продукты практики. Habitus «бедных» защищает себя от кризисов и критических нападков, обеспечивая себе настолько, насколько это возможно, среду, к которой он уже приспособлен, т.е. относительно постоянный круг ситуаций, усиливающий его предрасположенности, обеспечивая рынок, наиболее подходящий для его продуктов. Самое парадоксальное качество habitus'a это то, что отбирается информация, необходимая для того, чтобы уклониться от информации.

Это качество *habitus*'а и объясняет то, что представители страты «бедных» уклоняются от рефлексии своего положения. Стоит сказать, что теория хабитуализации П. Бурдьё позволяет увидеть еще один скрытый аспект, а именно механизм воспроизводства социального неравенства. В основе хабитуса лежит специфика социального положения. Актеры, характеризующиеся общностью социального положения, стремятся воспринимать социальные ситуации и действовать сходным образом, поскольку корреспондирующий с их социальным положением хабитус выступает «матрицей действия, восприятия и мышления» [7, p. 169].

Преломляя идеи П. Бурдьё в отношении бедности, можно говорить о том, что социальному положению бедных свойственен хабитус бедности. А это, в свою очередь, означает, что осуществляемая через него социальная ориентация означает одновременно и социальную дифференциацию. Хабитуализация бедности приводит к тому, что у индивидов происходит опривычивание своего положения и восприятие его как адекватного своему времени, ситуации, жизненным принципам. В результате они перестают испытывать душевные переживания и переключаются на другие, не относящиеся к бедности, более яркие события, явления. Итак, хабитуализация бедности в совокупности с когнитивным диссонансом, переживаемым представителями этой страты, вызывает наличие в сознании двух плоскостей – реальной и воображаемой. Стоит сказать, что воображаемая жизнь – это особая сконструированная реальность, в которой люди не оценивают себя в категориях бедности. Эта некая размытая реальность, в которой представитель страты «бедных» как бы небеден, он просто живет небогато. Воображаемую жизнь, на наш взгляд, стоит рассматривать как результат управления представлениями.

Выявить указанные особенности сознания «бедных» индивидов в массовых опросах, на наш взгляд, не представляется возможным. А вот биографическое глубинное интервью дает возможность отследить индивидуальные процессы на анализе нарративно зафиксированных интеракций, отражающих события автобиографического рассказа. Описание социальных интеракций и манифестирующих в нем жизненных практик, конечно, не будет представлять репрезентативность данного типа поведения, но позволит воссоздать в темпоральном наслоении сменяющие друг друга траектории жизненного пути, контекстуализировать их и связать конфигурацию жизненных практик с хабитусом бедности.

В качестве примеров рассмотрим несколько биографических описаний, полученных в результате глубинного интервью, проведенного автором в 2011–2014 гг. Укажем, что это интервью было связано не с исследованием бедности, а с изучением моделей маскулинности и фемининности [2–4]. Однако результаты исследования оказались полезными для изучения хабитуализации бедности. Рассмотрим результаты глубинного интервью с одной из респонденток – Ольгой. Ей 34 года, она работает медицинской сестрой, не замужем, имеет дочь 10 лет. Показательно, что Ольга не говорит прямо о бедности, указывая, что *«выросла в небогатой семье. Воспитывала с братом одна мама, так как папа рано умер. У мамы не было образования, поэтому она работала на самых низовых должностях. Зарабатывала мало»*. Слово «бедный» заменяется на «небогатый», что создает условно другой

статус. У «небогатого» уже больше разного рода возможностей (хотя бы и воображаемых), разнообразнее жизненные практики. Мы можем говорить о том, что происходит подмена одного стиля и образа жизни на другой. Но при этом сознание не фиксирует это как фальсификацию.

На представления человека о самом себе, безусловно, влияет его род занятий. Что касается нашей интервьюируемой, то здесь имеет место своего рода перекрывание одного статуса другим. Поясним этот вывод. Ольга по всем показателям относится к страте «бедных». Однако ее не беспокоит принадлежность к этой страте по той причине, что она себя относит к другой системе стратификации, в основе которой показатель интеллигентности. В соответствии с данной системой стратификации Ольга относится к полуинтеллигенции. На такую страту российской интеллигенции, которая сложилась в конце XX столетия, указывает Г.Г. Силласте в своей статье «Стратификация российского общества – вызов времени» [8]. Автор выделяет три страты: «высшую интеллигенцию» («мозг нации») – люди творческих профессий, развивающие науку, технику, культуру, гуманитарные дисциплины; «массовую интеллигенцию» – врачи, учителя, инженеры, журналисты, конструкторы, технологи, агрономы и др. специалисты; «полуинтеллигенцию» – техники, фельдшеры, медицинские сестры, ассистенты, референты, лаборанты.

О том, что Ольга считает себя принадлежащей именно к этой страте, а не страте бедных, свидетельствует ее повествование: *«Я совсем не хотела иметь то, что имела моя мама. Поэтому пошла получать образование. Сейчас ведь у меня что...разбираюсь в болезнях лучше старшей (медсестры. – С.И.), а иногда и некоторых врачей. Постоянно сама прошу на курсы повышения (квалификации. – С.И.) отправлять... Я ведь из-за дочери многие учебники и справочники по медицине знаю лучше многих врачей. (Дочь имеет травмы, полученные при рождении. – С.И.) Особенно, конечно, то, что связано с болезнью дочери. Смотрю анализы и смотрю, что врач написал, и думаю, да что же ты написал...»*.

Полученное образование и самообразование, безусловно, повлияли на профессиональное самоутверждение Ольги. Она воспринимает себя почти на равных с врачами. Мы видим сравнение ею своих профессиональных знаний как медицинской сестры и знаний врачей. В этом сравнении просматривается стремление принадлежности к страте интеллигенции при всем том, что реальных шансов быть интеллигенцией у нее пока недостаточно. Здесь в скрытой форме существует уже выявленная нами закономерность: индивид реально принадлежит к одной страте («бедных» или полуинтеллигенции), но переключается на другую страту («небедных» или интеллигенции). Такое переключение отражает наличие в сознании двух миров – реального и воображаемого (...разбираюсь в болезнях лучше ...некоторых врачей). Воображаемый мир помогает пережить будни реального мира.

Одним из важных экономических показателей бедности является доход. И в этом вопросе Ольга пытается некоторыми «хитросплетениями» доказать самой себе, что она не бедный человек, хотя по сути им является. *«Отец дочери денег не платит совсем. Зарплата у меня, конечно, небольшая. Но ничего ... я постоянно беру дежурства. Да еще доплачивают за вредность (вредные условия производства. Ольга работает в инфекцион-*

ном отделе больницы. – **С.И.**) *Я сюда сразу специально пошла из-за этого (доплат. – С.И.). Да ... что еще хорошо, здесь всегда можно поесть. Так что на еду трачу уже меньше... Дочь тоже здесь иногда перехватит (поест. – С.И.)*». Отсутствие алиментов, невысокая зарплата как бы перекрываются доплатами за вредные условия работы и возможностью бесплатно пообедать. Стоит сказать, что в дальнейшем разговоре выяснилось – размеры доплат совсем невелики и величина их значительно варьирует. В таком случае социально значимым остается лишь бесплатное питание во время дежурства. Парадоксально, что именно это и создает у интервьюируемой ощущение не «бедного» человека, а «небогатого». Как нам представляется, этот пример лишний раз подтверждает особенности сознания бедного человека. Для них на первом месте стоит не возможность удовлетворения покупательских потребностей (покупки вещей, бытовой техники, поездок по стране или за границу), а возможность питания, причем по возможности бесплатного. Такое положение дел с точки зрения теории А. Маслоу есть не что иное, как удовлетворение низших потребностей.

«Бедный» человек не в состоянии себе позволить многие вещи. Например, Ольга практически не в состоянии обеспечить себя и дочь одеждой, предметами быта, путешествиями. *«Одеваться помогает мама. А что ей... Она уже пенсионерка, ничего не нужно. ... Живем мы с дочерью, конечно, так... Ремонта давно не делали, кое-где в полу дыры. Но я их закрыла досками и нормально. Главное – есть где жить.... Куда поехать, тоже у нее денег берем. Да и не ездим почти. Дочери, правда, дают иногда бесплатные путевки... Я-то ведь в детстве вообще никуда не ездила. В основном – мы дома. Телевизор смотрим... Где только уже не побывали... и поездок не надо. Как посмотришь, как люди живут, да что там творится, так мы еще и лучше их живем»*. Однако Ольгу не смущает это обстоятельство. Она воспринимает себя как «небогатый» человек, будучи фактически «бедным» человеком. Возникают парадоксы. Ольга осталась в страте «бедных», в которой пребывала в детстве и юности. Для нее остались малодоступными дорогая еда, одежда, отдых. Несмотря на это, воображаемый мир уводит ее в другую реальность, на другие уровни жизни, что в целом придает хабитусную уверенность человека (*...мы еще и лучше их живем*).

Следующая респондентка Фаина Г., 52 года. Разведена, имеет двоих сыновей и дочь. Работает медицинской сестрой в диспансере. Заработная плата чуть выше, чем у других медицинских работников среднего звена, за счет доплаты за неблагоприятные условия труда. Фаина также относится к полуинтеллигенции, но стремится повысить свой статус иными способами, по сравнению с предыдущей респонденткой. Не имея достаточных личных финансов для того, чтобы приобретать дорогие предметы потребления, она постоянно использует банковские кредиты. При этом ей иногда приходится брать кредит в одном банке, чтобы погасить проценты по кредиту в другом банке. *«Ну да, живу в постоянных долгах, зато у меня есть все, что и у других (имеет в виду состоятельных. – С.И.). Но иначе ведь не проживешь. Да и кому интересно знать, что денег у меня фактически нет. Как раз наоборот, я хочу показать, что живу на уровне»*. Будучи фактически «бедной», Фаина пытается произвести иное впечатление за счет имитации. Для этого она использует разные способы: имитация высоких

доходов, имитация состоятельной родительницы. Для имитации больших финансов респондентка занимается распространением косметики «Орифлейм» и стремится доказать другим, что занимается доходным бизнесом. *«Было собрание представителей Орифлейма в Москве. Я, конечно, поехала, взяла кредит и поехала. Конечно, там было все за мой счет. Дорога, проживание. Но не могла же я не поехать. Конечно, потом год расплачивалась, но я не жалею. Никто же не знал, что я в кредит ездила, зато многие говорили мне, что молодец».*

Для того, чтобы произвести впечатление состоятельной родительницы, Фаина купила дочери на выпускной вечер достаточно дорогое платье: *«Я сказала Лене (дочери. – С.И.): “То, что у тебя нет отца, не означает, что ты будешь выглядеть беднее всех. Как раз наоборот, я все сделаю, чтобы ты выглядела богаче всех”. Так и получилось. У нее было самое дорогое платье. Даже дороже тех, кто из полных семей. У меня, конечно, долги после этого. Ну и что...».* Затем, когда дочь выходила замуж, Фаина заказала свадебный лимузин на несколько часов, вновь беря кредит. *«Зато все видели, что у нас, как у всех...»*

Имитация состоятельности отрицательно сказывается на здоровье респондентки (*«Букет, но главное – давление зашкаливает»*), но она уже не может отказаться от такого образа жизни и мышления. Главное – абсолютное нежелание признать себя «бедной» и жить в соответствии с доходами. Пример Фаины, на наш взгляд, являет собой гендерную стратификацию одновременно с двух позиций. Здесь и сглаживание ситуации, и управление впечатлениями. Как уже указывалось, исследование не является строго репрезентативным, однако мы можем предположить, что сегодня немало россиян живут в том же финансовом и эмоциональном состоянии, что и наша респондентка. Объяснить подобное восприятие своего жизненного стиля фактически «бедного» человека позицией «живем не хуже других» можно лишь колоссальными адаптационными процессами, происходящими в обществе.

Гендерная стратификация затрагивает оба пола, поэтому интересны также примеры жизненных практик бедности у мужчин. Евгений Ш. Ему 30 лет, он разведен. Живет с родителями, а свою квартиру сдает в наем. *«Живу... да вроде нормально. Буду отделяться от родителей. Но, конечно, посмотрю еще... Ничего не покупаю... Все деньги забирает мать... Прошу потом у нее... Работать... пока не работаю. Деньги же мои есть... от квартиры. Так что на свои живу...».*

Как видим, в сознании молодого человека сложилась парадоксальная картина затянувшегося детства: он не работает и работать не собирается, так как имеет доход от сдачи квартиры в наем. Очевидно, что Евгений воспринимает собственную деятельность по сдаче квартиры как равноценную любой другой общественно-значимой деятельности. В сознании фиксируется иллюзия в некотором смысле состоятельного человека, который не работает, но имеет деньги (*не работаю... Но вместе с тем (С.И.) на свои живу*). Складывается ощущение человека хоть не богатого, но и не бедного.

Во время работы над этой статьей произошли перемены в жизни респондента. Он вернулся в свою квартиру, но официально трудоустроиваться не стал. Минимальное жизнеобеспечение осуществлял за счет временных

заработков. Наиболее весомую часть расходов по содержанию Евгения взяли на себя родители. Как видим, при хабиитуализации жизненных практик бедности индивиды существуют за счет собственных иллюзий «небедного» человека, а также финансовой и материальной поддержки ближайшего окружения. Это и приводит к тому что Евгений не торопится менять свой статус фактически бедного человека на более высокий. Как нам представляется, до тех пор, пока иллюзорное сознание будет доминировать, до тех пор будет поддерживаться воображаемый мир, а при этом реальный мир оставаться миром бедности. Однако, как и случае с женскими примерами, Евгений также и умело сглаживает ситуацию бедности, и управляет впечатлениями об этом.

Еще один респондент – Яков С., 45 лет, разведен, имеет дочь. Яков со студенческих времен привык к активному образу жизни: альпинизм, туризм. Официально не трудоустроен, но подрабатывает по заказам при выполнении высотных работ. *«Мне денег хватает. А вот жене было постоянно мало. Это постоянное нытье – нужны окна, батареи, ремонт... Я понимаю, посмотрит, как у всех подруг, и ей тоже нужно... Как разбежались, так я вообще решил, что буду зарабатывать только, когда нужно. Вот нужен мне спортивный велосипед, заработаю. Хочу поехать в горы на Кавказ, заработаю. Нужна снаряга (снаряжение для альпинизма. – С.И.), заработаю. А так не собираюсь тратить всю свою жизнь на окна и батареи... Мне одному вообще ничего не нужно, готовлю минимум».* Данный респондент являет собой прямо противоположный пример жизненной практики, скажем, Фаины. Если этой респондентке нужно было «производить впечатление», то Яков, напротив, совершенно этим не озабочен.

С одной стороны, мужские и женские жизненные практики бедности имеют некоторые черты сходства. Это иллюзорное ощущение «небедного» человека, а значит и сглаживание ситуации и умение управлять впечатлениями. С другой стороны, практики принципиально отличаются. Женщинам необходимо заботиться также и о своих детях. Мужчинам – только о себе. Яков, к примеру, сказал, что *«дочери денег не даю, а жена из гордости не просит».*

Подведем итоги. Гендерная стратификация представляет собой и процесс, и состояние. Она связана с хабиитуализацией такой жизненной практики, как бедность. Проведенные глубинные интервью позволили увидеть некоторые особенности хабиитуализации бедности тех, кто не имеет достаточно высокого уровня образования и относится к полуинтеллигенции. В одном случае, рекрутируясь из страты «бедных», индивид сравнивает свою жизнь с прежней жизнью «бедного» детства. Находит явные преимущества. На самом же деле полученные преимущества не позволяют ему перейти в другую страту. Человек, по сути, остается «бедным» и в сознании, и на уровне жизненной практики. Вместе с тем он воспринимает себя не как «бедным», а как «небогатым». В другом случае индивид отказывается признать себя «бедным» и всеми способами имитирует свою принадлежность к другой страте. Эти усилия, тем не менее, не приводят к принципиальным переменам. И в первом, и во втором случае проблема хабиитуализации бедности связана с двумя плоскостями сознания человека: реальной и воображаемой или имитационной. В реальной плоскости сознания человек стремится не

рефлексировать по поводу бедности и вообще избегать тревожной информации о бедности. А жизнь в воображаемом, имитационном мире отсрочивает фактический выход из страты «бедных». В данном случае можно говорить о замкнутом круге хабиитуализированной жизни «бедного» человека, но в то же время и об умении управлять впечатлениями.

Литература

1. *Бурдье П.* Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 16–39.
2. *Ильиных С.А.* Гендерная концепция организационной культуры: монография. Новосибирск, 2009.
3. *Ильиных С.А.* Концепты маскулинности и фемининности в русле гендерного подхода // Идеи и идеалы. 2011. № 4. Т. 1. С. 131–144.
4. *Ильиных С.А.* Множественная маскулинность // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 101–109.
5. *Кравченко А.И.* Социология: хрестоматия для вузов. М.: Академический проспект; Фонд «Мир», 2004. С. 327–340.
6. *Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 297–424.
7. *Bourdieu P.* Entwurf einer Theorie der Praxis auf der ethnologischen Grundlageder kabylistischen Gesellschaft. Frankfurt a.M., 1979.
8. *Силласте Г.Г.* Стратификация российского общества – вызов времени // Обозреватель. URL: http://www.rau.su/observer/N12_01/12_14.HTM

Bibliography

1. *Burd'e P.* Struktury, habitus, praktiki // Sovremennaja social'naja teorija: Burd'e, Giddens, Habermas. Novosibirsk, 1995. P. 16–39.
2. *Il'inyh S.A.* Gendernaja koncepcija organizacionnoj kul'tury: monografija. Novosibirsk, 2009.
3. *Il'inyh S.A.* Koncepty maskulinnosti i femininnosti v rusle gendernogo podhoda // Idei i idealy. 2011. № 4. T. 1. P. 131–144.
4. *Il'inyh S.A.* Mnozhestvennaja maskulinnost' // Sociologicheskie issledovanija. 2011. № 7. P. 101–109.
5. *Kravchenko A.I.* Sociologija: hrestomatija dlja vuzov. M.: Akademicheskij prospekt; Fond «Mir», 2004. P. 327–340.
6. *Sorokin P.* Chelovek, civilizacija, obshhestvo. M., 1992. P. 297–424.
7. *Bourdieu P.* Entwurf einer Theorie der Praxis auf der ethnologischen Grundlageder kabylistischen Gesellschaft. Frankfurt a.M., 1979.
8. *Sillaste G.G.* Stratifikacija rossijskogo obshhestva – vyzov vremeni // Obozrevatel'. URL: http://www.rau.su/observer/N12_01/12_14.HTM